

правомерный, потому что использование экфразы, как это ни странно, иногда оставляет ощущение недосказанности. Это происходит, если артионим выполняет функцию статического экфрасиса, а сам экфрасис не толковательный, а динамический. В этом случае толкование картины становится, по сути, расширением артионима, а не объяснением содержания гравюры. Например, к офорту «*Маленькие домовые*» приводится такая экфраза: «*А вот совсем другой народец. Веселые, резвые и услужливые; немного лакомки и охотники до шалостей; но все-таки это славные человечки*» [4, с. 49]. В известном смысле можно говорить о конкатенции содержания невербального знака посредством знаков вербальных, и логическим завершением такого семантического развития должен быть толковательный экфрасис, который в подобных случаях отсутствует.

Таким образом, офорты Франсиско де Гойи и их названия и описания представляют собой соединение невербального и вербальных знаков с высокой степенью комплементарности, что специфично, если учесть обычную факультативность экфразы. Семантическая связь между частями этого соединения может быть линейной:

картина → название → экфраза;

параллельной:

```

картина
  ↓      ↓
название экфраза;
  
```

циклической:

```

картина
  ↓      ↓
название ↔ экфраза.
  
```

Во многом модель отношений между этими знаками зависит от характера экфрасиса и экфрастической функции, выполняемой артионимом. Настоящая разработка не претендует на полноту описания объекта: в перспективе необходим анализ вербальных единиц рассматриваемого единства, во-первых, во всем их объеме, во-вторых, с точки зрения структуры, в третьих, с учетом корреляции их семантики и содержания картин в его структурном выражении. Самостоятельного анализа требует перевод названий и экфраз на русский язык.

Литература

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988.
2. Рубинс М. Пластическая радость красоты: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. – СПб.: Академический проект, 2003.
3. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.krotov.info>
4. Гойя. «Капричос». Альбом по искусству. – М.: Центр Рой, 1992. – 168 с.
5. Большой толковый словарь русского языка. / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.
6. Захарченко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. – 2-е изд. – М.: Азбуковник, 2006. – 784 с.

Примечания

¹Структура – рабочий термин, который мы используем для обозначения отдельных фрагментов картины – смысловых частей, на которые зритель спонтанно и бессознательно разделяет произведение изобразительного искусства.

Подгайская И. М.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГЕРМАНСКОГО КОРНЯ **BEU-* В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Диахронические исследования словарного состава языка относятся к актуальным проблемам современной семасиологии, поскольку позволяют лучше понять современное устройство лексической системы языка и особенности ее функционирования. Как справедливо отмечал О. Н. Трубачев, «знание эволюции значения слова необходимо для понимания его нынешней природы и структуры, поэтому суждение этимологии должно интересоваться, и оно так или иначе интересует, специалиста по современной лингвистической семантике» [6, с. 149]. «Отсутствие достаточного количества работ по исторической семасиологии славянских, германских и романских языков делает исследования, выполненные в таком плане, особенно перспективными» [3, с. 390].

Настоящая статья посвящена рассмотрению значений, которые сформировались в древнеанглийском языке в результате семантической эволюции германского корня **beu-* с предполагаемым исходным значением ‘расти, становиться, быть’ [4, с. 85].

Корень **beu-* представляет собой германский вариант индоевропейского корня **bheu-*, изменение формы которого в германских языках обусловлено первым передвижением согласных (и – е. *bh* → герм. *b*). Семантическое развитие исходного значения индоевропейского корня **bheu-* ‘расти’ в праязыке завершается формированием значения ‘жить, обитать’. По мнению Ю. Покорного, этот процесс происходит через два промежуточных звена семантической цепи – ‘надувать, набухать’ и ‘возникать; быть, существовать’: ‘расти’ > ‘набухать’ > ‘возникать, быть, существовать’ > ‘жить, обитать’ [15, с. 146].

Германский корень **beu-* развивается в нескольких формах, образуя тем самым несколько этимологических ветвей [2, с.103-104].

Самая многочисленная этимологическая ветвь включает глагольные лексемы древних германских языков, которые восходят к прагерманской форме **bew-/bōw-/bū-* с предполагаемым значением ‘жить, быть’ [2, с. 103]. Этимологическое гнездо данной формы упорядочивается на основе связи значений ‘жить, быть’, ‘возделывать землю’ и ‘строить’.

Наиболее явную связь между этими значениями обнаруживают древнесаксонский глагол *būan* и средненижненемецкий глагол *būwen*, обладающие всеми тремя значениями – ‘строить (дома), сооружать; обрабатывать землю; жить, обитать’ [14, с.106], а также древневерхненемецкий глагол *būan* (*būwan*), имеющий в древневерхненемецкий период значение ‘жить, населять, заниматься земледелием’ [16, с. 104; 14, с. 106] и развивающий значение ‘сооружать’ в средневерхненемецкий период [14, с. 106]. В древнеанглийском языке, как и в других древних германских языках, распространение получает значение ‘жить, обитать’: да. *būan* ‘жить, обитать’; дфриз. *būwa* ‘жить’; дисл. *būa* ‘жить’; гот. *bauan* ‘жить’, *gabauan* ‘селиться’ [14, с. 106].

К этой же этимологической ветви относятся производные именные лексемы, значение которых формируется на базе значений 'жить', 'возделывать землю', 'строить' и иллюстрирует переход от 'названия действия' к 'названию деятеля': дс. *gibūr* 'крестьянин', т. е. 'тот, кто возделывает землю'; двн. *gibūr(o)* 'крестьянин, согражданин, сосед', *būare* 'жилище' [16, с. 104], свн. *būwære, bouwære* 'строитель' [14, с. 106], т. е. 'тот, кто строит'. В древнеанглийском языке в пределах данной этимологической ветви обнаруживается производная лексема *gebūr* 'житель, земледелец' [7, с. 377], т. е. 'тот, кто живет', 'тот, кто возделывает землю'.

К прагерманской форме **bew-/bōw-/bū-* со значением 'жить' также восходят сложные слова, среди которых древнеанглийская лексема *nēahgebūr* 'сосед', букв. 'ближний крестьянин' – от *nēah* 'ближний, близкий' и *gebūr, būr* 'житель, крестьянин' [10, с. 491]. В других германских языках выделяются следующие родственные лексемы: двн. *nāhgibūro, nāhgibūr* 'близко живущий', свн. *nāch(ge)būre, nāch(ge)būr*; дс. *nāchbūr*; снн. *nābūr, nāber*; дск. *nābūi*; снид. *nāghebuur, nābuur* с буквальным значением 'близко живущий' [2, с. 104; 14, с. 906].

К этимологической ветви прагерманской формы **bew-/bōw-/bū-* некоторые этимологи также относят и лексемы со значением 'крестьянин' и 'хозяин дома', которые считают производными от **būandi* 'живущий' – причастия настоящего времени от сканд. *būa*: дисл. *bōndi* 'свободный крестьянин', дисл. *hūsbandi* 'хозяин дома' [10, с. 357; 2, с. 104]. В древнеанглийском языке к данной форме возводят да. *bōnda, būnda* 'крестьянин' и да. *hūsbanda* 'хозяин дома'. Относительно происхождения последней не существует единого мнения. Так, например, Э. Кляйн считает, что да. *hūsbanda* 'хозяин дома' происходит от скандинавской лексемы *hūsbandi* 'глава семьи, муж', являющейся сокращенной формой причастия *hūsbandi* с буквальным значением 'живущий в доме'. Этой же точки зрения придерживается и В. В. Левицкий. По мнению же Дж. Босворта, древнеанглийская лексема *hūsbanda* не может считаться производной ни от скандинавского причастия *būandi, bōandi* 'живущий', ни от древнеанглийского глагола *būan* 'жить', а является производной от древнеанглийского глагола *bindan* 'связывать' [7, с. 133].

Кроме формы **bew-/bōw-/bū-*, германский корень **beu-* развивает несколько вариантов – **būra-*, **būfo-*, **būwi-*, **bōwi-*, которые лежат в основе генезиса наименований жилища в германских языках. Семантическое развитие в данном случае происходит от значения 'жить, населять' к значению 'жилище'.

Так, к прагерманской форме **būra-* 'жилище' восходит древнеанглийская лексема *būr* 'дом, жилище, комната, амбар' [7, с. 133; 8, с. 60] и ряд лексем других древних германских языков: двн. *būr* 'дом' [16, с. 104], 'жилище, амбар, погреб'; дисл. *būr* 'дом' [14, с. 106]; свн. *būr* 'дом, комната, клетка' [2, с. 104; 10, с. 91].

От другой прагерманской формы, лежащей в основе возникновения наименований жилища, – **būfo-* – происходят такие древние германские лексемы, как: дисл. *bīð* 'жилище' [2, с. 104], 'жилище, лавка, сторожка' [11, с. 112] и дшв. *bōþ* 'избушка, деревянный дом, шалаш' [14, с. 181]. В древнеанглийском языке параллель с данной прагерманской формой не обнаруживается, хотя в среднеанглийском периоде функционирует лексема *bothe* 'будка', которая также восходит к данной форме [2, с. 104].

Еще две прагерманские формы, развивающиеся от корня **beu-*, являются источником происхождения наименований жилища в германских языках. Это формы **būwi-* и **bōwi-* с исходным значением 'дом'. К форме **būwi-* восходит дисл. *bygr* 'двор', а к форме **bōwi-* – дисл. *bær* 'дом'; двн. *bū* 'местожительство; резиденция' [16, с. 104]; дс. *bū* 'местожительство, жилище'; дисл. *bū* 'жилье' [2, с. 104]. Из этой же формы развивается древнеанглийская лексема *bū* 'жилище, поселок' [8, с. 60; 7, с. 132].

Специфической семантикой обладает прагерманская форма **bōla-* 'место лежки (зверей)', в основе значения которой лежит семантический переход от 'жилища (человека)' к 'жилищу (зверя)'. К данной форме восходят дисл. *bōl*; свн. *buole*; снид. *boel*, имеющие одинаковое значение 'место лежки диких зверей'. В древнеанглийском языке такое значение не развивается.

В основе возникновения наименований жилища и его частей в германских языках также находится прагерманская форма **bōpla-/bupla-* (и. – е. **bhō(u)–tlo-* с метатезой *pl > lp*). От этой формы произошли такие лексемы древних германских языков, как дисл. *bōl* 'жилище, двор' и дс. *bōdlōs* 'дом и двор', а также древнеанглийская лексема *botl*, обозначающая в анализируемый период не только 'жилище', 'местожительство', но и разного рода постройки – 'дом', 'дворец', 'поместье', 'замок', 'храм' [8, с. 54].

Одновременно с лексемой *botl* в древнеанглийском языке функционирует лексема *bold*, имеющая сходные значения: 'здание', 'жилище', 'дом', 'усадебный дом', 'замок', 'дворец', 'храм' [7, с. 115]. В этимологических словарях высказывается единая точка зрения о том, что *botl* и *bold* являются вариантами одной и той же лексемы [18, с. 65; 12, с. 124; 13, с. 63]. Основанием для такого вывода служат следующие факты. Германский инструментальный суффикс *-thlo-* (и. – е. *-tlo-*), входящий в состав морфологической структуры анализируемых лексем, в древнеанглийском языке функционирует в нескольких формах – *-plo-*, *-ðlo-*, *-tlo-* после *f*, *s* и *-ld-* вместо *-dl-* (метатеза *dl > ld*). Следовательно, древнеанглийская форма *bo-ld* соответствует форме *bo-dl* (= **bo-ðlo-*) [17, с. 247-250], а *bo-tl* рассматривается как «твердая» форма *bo-dl* [19].

По данным этимологических словарей, от лексемы *bold* происходит древнеанглийский глагол **byldan*, а лексема *botl* соотносится с глаголом *bytl(i)an*. В основе образования данных глаголов лежит характерное для древнеанглийского словообразования чередование гласных *o > u* [18, с. 203]: *botl > bytl(i)an, bold > *byldan*.

Следует отметить, что этимологи единодушно относят глагол **byldan* к древнеанглийскому периоду, несмотря на то, что первое его упоминание в письменных памятниках зафиксировано только в среднеанглийский период (1150 год) в форме причастия прошедшего времени *Zebyld* [20, с. 1161], поэтому инфинитив данного глагола представляют в реконструированной форме.

Оба анализируемых глагола являются отыменными и, исходя из значения мотивирующего имени (*botl, bold*), от которого они образованы, возможны разные варианты их семантического развития [1, с. 158]. Поскольку древнеанглийские лексемы *botl* и *bold* имеют два лексико – семантических варианта (ЛСВ) – 'здание, строение, предназначенное для жилья' и 'жилище, местожительство, жилое помещение', вероятным является возникновение, по крайней мере, двух глагольных значений: на основе первого ЛСВ может возникнуть значение

‘строить’, а на основе второго – значение ‘жить, обитать’. Подобный процесс формирования значения наблюдается, например, в древневерхненемецком языке: *hūs* ‘дом’ → *hūsōn* ‘строить дом’; *hūs* ‘дом’ → *hūsōn* ‘жить, обитать’ [9, с. 75-77].

Вопрос о семантической эволюции глагола **byldan* в древнеанглийском языке относится к области предположений, поскольку до настоящего времени не сохранились письменные свидетельства его употребления в этот период. Однако, учитывая отыменную природу глагола и тот факт, что до середины XVI века он функционирует в двух возможных значениях – ‘строить’ и ‘обитать’ [20, с. 1161], вероятным представляется то, что эти значения сформировались еще в древнеанглийском языке.

Что же касается глагола *byltan(i)an*, то изучение особенностей его функционирования в древнеанглийский период показывает, что данный глагол развивает и значение ‘строить’, и значение ‘жить, обитать’. Ælfric’s Catholic Homilies: *Pa betwux ðam oðrum geseah he hwær man bytlode ane gebytlu eal mid smætum golde*. ‘Тогда среди тех других увидел он, где человек **построил дом** весь из чистого золота’. The Anglo – Saxon Chronicle, Manuscript A: The Parker’s Chronicle: *Py ilcan sipe for se here of Huntandune & of Eastenglum & worhton þæt geweorc æt Tmeseforda & hit būdon & bytledon*. ‘Перед этим же походом войска из Хантингдона и Восточной Англии построили крепость в Темсфорде, и поселились и **жили** в ней.

Таким образом, изучение особенностей развития исходного значения германского корня **beu-* ‘расти, становиться, быть’ в древнеанглийском языке позволяет сделать следующие выводы.

1. В пределах этимологической ветви прагерманской формы **bew-/bōw-/bū* в древнеанглийском языке возникает глагольное значение ‘жить, обитать’ и производные от него именные значения ‘житель, земледелец’, ‘сосед’, ‘крестьянин’ и ‘хозяин дома’. Формирование значений ‘земледелец’ и ‘крестьянин’ свидетельствует об исходной связи значений ‘жить, обитать’ и ‘возделывать землю’. Однако развитие самостоятельного значения ‘возделывать землю’, а также значения ‘строить’, которые характерны для лексем других германских языков, восходящих к этой форме, в древнеанглийском языке не происходит.

2. Семантическое развитие прагерманских форм **būra-* и **bōwi-* приводят к возникновению в древнеанглийском языке наименований жилища и его частей, а также строений, связанных с домашним хозяйством – ‘дом’, ‘жилище’, ‘комната’, ‘амбар’, ‘поселок’.

3. В результате развития прагерманской формы **būþo-* в английском языке формируется значение ‘будка’, хотя соответствующая лексема фиксируется только в среднеанглийском периоде.

4. На основе прагерманской формы **bōþla-/bupla-* развиваются именные значения ‘здание, строение, предназначенное для жилья’ и ‘жилище, местожительство, жилое помещение’ и производные от них глагольные значения ‘строить’ и ‘жить, обитать’.

5. Прагерманская форма **bōla-* в значении ‘место лежки (зверей)’ в древнеанглийском языке дальнейшего развития не обнаруживает.

В настоящей статье описан начальный этап формирования в английском языке значений, восходящих к германскому корню **beu-*. В перспективе целесообразным представляется изучение закономерностей развития данных значений в среднеанглийском и новоанглийском периодах.

Источники и литература

1. Калиущенко В. Д. Типология отыменных глаголов. – Донецк, 1994. – 422 с.
2. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков. Т. 1. – Черновцы: Рута, 2000. – 263 с.
3. Левицкий В. В. Семасиология. – Винница: Нова Книга, 2006. – 512 с.
4. Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. – М.: Наука, 1970. – 287 с.
5. Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 3. – М.: Наука, 1976. – 214 с.
6. Трубачев О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 148-173.
7. Bosworth J. and Toller T. N. An Anglo – Saxon Dictionary with Supplement by Y. N. Toller. – Oxford University Press, 1898. – 1302 p.
8. Hall, John R. Clark. Concise Anglo – Saxon Dictionary. 4th ed. With supplement. – Cambridge University Press, 1975. – 452 p.
9. Kaliuščenko, Vladimir D. Deutsche denominales Verben. – Tübingen: Narr, 1988. (Studien zur deutschen Grammatik; Bd.30). – 180 S.
10. Klein, Ernest. [A comprehensive etymological dictionary of the English language](#). – Amsterdam, 2003. – 1776 p.
11. Kluge, Friedrich. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1989. – 822 S.
12. Onions, C. T. The Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: at the Clarendon Press, 1967. – 1025 p.
13. Partridge, Eric. A Short Etymological Dictionary of Modern English. – London: Routledge & Kegan Paul, 1958. – 970 p.
14. Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. – Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. – 1665 S.
15. Pokorny, Julius. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. – Francke Verlag Bern. – 1959. – 1182 S.
16. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. – Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1995. – 342 S.
17. Skeat, Walter W. Principles of English Etymology. 1st series: The native element. – Oxford: Clarendon Press Series, 1887. – 541 p.
18. Skeat, Walter W. Concise Etymological Dictionary of the English Language. – Oxford, 1901. – 663 p.
19. Sievers, Eduard. Angelsächsische Grammatik. 3 – te Aufl. Halle: Max Niemeyer, 1898. – 318 S.
20. The Oxford Dictionary: A New English Dictionary on Historical Principles. Vol.1. – Oxford: Clarendon, 1970. – 1240 p.

Пономарьова В. А.

ЗНАЧЕННЯ РИТМУ ТА ІНТОНАЦІЇ МОВЛЕННЯ У МІЖКУЛЬТУРНОМУ СПІЛКУВАННІ

Мета статті – проаналізувати місце, роль та значення ритму та інтонації англійського мовлення у міжкультурному спілкуванні, показати необхідність навчання ритму та інтонації з перших уроків англійської мови у початковій школі.

Зміни в суспільстві, направлені на розширення міжнародних зв’язків та входження України до європейського освітнього, культурного та економічного простору, інтеграцію з європейськими країнами, інтернаціоналізацію ділових стосунків у різноманітних сферах діяльності людини, ставлять нові вимоги перед кожною особистістю. В такому процесі інтеграції культур зростає значення спілкування між представниками різних культур. Соціальне замовлення суспільства в галузі освіти та у навчанні іноземних мов (ІМ) зокрема,